

Аза МИГРАНЯН

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРКМЕНИИ: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Дата поступления в редакцию: 16.09.2020.

Для цитирования: *Мигранян А. А.*, 2021. Внешнеэкономическая политика Туркмении: итоги десятилетия. – Геоэкономика энергетики. № 1 (13). С. 43–66. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_43

Внешнеэкономическая политика Туркмении основана на принципах нейтралитета по отношению к любым интеграционным процессам и двустороннего сотрудничества. При этом итоги последнего десятилетия туркменского присутствия на внешних рынках ограничиваются экспортными поставками энергоносителей (газа и нефти). Монопродуктовый экспорт республики подкрепляется растущей финансовой зависимостью от основного импортёра газа – Китая, что значительно влияет на уровень экономической зависимости от одного партнёра. Низкий уровень диверсификации внешнеэкономического сотрудничества Туркмении становится основным фактором растущей нестабильности национальной экономической системы и противоречит базовым принципам туркменской стратегии внешнеполитического нейтралитета. Данные противоречия обуславливают актуальность исследования, целью которого является комплексная оценка итогов экономической политики Туркмении и потенциала развития российско-туркменского экономического сотрудничества.

Наиболее перспективным направлением развития внешнеэкономической деятельности для Туркмении остаётся сотрудничество с Россией. Для республики в сложившихся условиях жёсткой конкуренции на региональных рынках газа и нефти поставки российским партнёрам (ПАО «Газпром») основного экспортного продукта – газа – позволяют получать экспортную выручку в бюджет республики, решать проблему растущего дефицита государственных финансовых ресурсов и поддерживать социальные программы.

МИГРАНЯН Аза (Азгануш) Ашотовна, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ. *Адрес:* Российская Федерация, г. Москва, 117218, Нахимовский просп., д. 32. *E-mail:* a.mihryan20@gmail.com. *SPIN-код:* 9433-7609. *ORCID:* 0000-0001-6014-5955.

Ключевые слова: российско-туркменское экономическое сотрудничество, экономика Туркмении, инвестиции в экономику, структура внешней торговли, газопроводы, инвестиционные проекты.

Туркмения (Республика Туркменистан) — одна из наиболее закрытых и непредсказуемых стран на постсоветском пространстве, отличительными особенностями которой являются: абсолютизация президентской формы правления; отсутствие гражданских и предпринимательских свобод в вопросах перемещения граждан и ведения хозяйственной деятельности; централизация государственного контроля базовых отраслей (нефте- и газодобывающих) и внешнеэкономической деятельности.

Уровень централизации власти и контроля в экономике ограничивает предпринимательскую активность развитием малого и среднего бизнеса лишь в сфере услуг, оказываемых на локальных рынках (чаще на уровне отдельных населённых пунктов). На законодательном уровне разрешена частная собственность, что формализует возможность развития многоукладной экономики (по данным 2015 г., доля частного сектора составляла 45% [Государственный комитет РТ по статистике, 2015] *, включает торговые и сервисные услуги, мелкотоварное производство в сельском хозяйстве и ремёсла).

Экономика страны базируется на нескольких базовых ресурсных отраслях: нефте- и газодобывающих производствах, транспортной инфраструктуре по организации транзита и транспортировки минеральных энергоресурсов, хлопководстве [Проклов, 2011]. За период с 1991 по 2019 г. наблюдался рост промышленного сектора за счёт добывающей промышленности, он составил около 50%, сектор переработки и транспортировки энергоресурсов — до 30% от всего объёма ВВП, сектор сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственного сырья — до 10% [Статистическая база UNCTAD].

Наибольший рост наблюдался в секторе добычи и развития транспортной инфраструктуры газа, что абсолютно оправдано богатейшими запасами разведанных месторождений газа (4-е место в мире по доказанным запасам газа, согласно данным BP [BP Statistical Review of World Energy, 2019], он составил 19,5 трлн куб. м, согласно экспертным оценкам Bundesanstalt fuer Geowissenschaften und Rohstoffe (BGR) (Германия) — около 10 трлн куб. м, в то время как туркменские официальные источники анонсируют 50 трлн куб. м, не подтверждая эту информацию) [Абдырахманов, 2019].

По запасам нефти более скромные позиции в мировой табели о рангах (42–43-е место), по версии BP, — 600 млн баррелей (0,1 млрд т), большая часть запасов нефти связана с Каспийским бассейном. Эти ресурсы являются основными источниками поступления экспортной выручки (90% всего экспорта, по итогам 2019 г.), которая обеспечивает импорт и в целом стабильность туркменской экономики. При этом добыча нефти в Туркмении, по итогам 2019 г., снизилась на 0,5% (12,5 млн т), а добыча газа выросла

* Показатель по числу предприятий, которые в большинстве сосредоточены в сегменте производства национальных ремёсел, — 30% от ВВП, 15% ВВП приходится на частно-государственные предприятия, 55% — на государственный сектор (по данным 2015 г.).

на 2,7% (63,2 млрд куб. м) [*Statistical Review of World Energy*, 2020]. Однако растущий экспорт туркменских нефтегазовых ресурсов с трудом покрывает долговое бремя китайских кредитов базового оператора «Туркменгаз» перед *CNPC* [Гавричев, 2019], что вынуждает искать новые рынки сбыта газа и наращивать добычу и переработку нефти. Нефтяные месторождения Туркмении на суше довольно истощены, поэтому перспективным является развитие морского шельфа туркменской части Каспия.

В добывающей отрасли растёт значение разработок по извлечению химического сырья (соли калия, мирабилит, каменная, глауберова и поваренная соль, озокерит, йод, бром, сульфат натрия и др.), которые в совокупности формируют до 3,5% ВВП.

Макроэкономическая ситуация

При этом экономика Туркмении демонстрирует довольно высокие темпы роста ВВП (рис. 1) – в среднем 6–10% в год в постоянных ценах за исследуемый период 2010–2019 гг. Экономический тренд напрямую зависит от конъюнктуры цен на мировых рынках нефти и газа, что объясняет спад на 4% в 2014 г. в постоянных ценах, на 5% в текущих ценах, причём наибольшее падение за счёт ценового фактора произошло по показателю ВВП на душу населения 27,7%.

Это связано с тем, что именно за счёт нефтегазовой экспортной выручки покрываются расходы бюджета по социальным обязательствам и поддер-

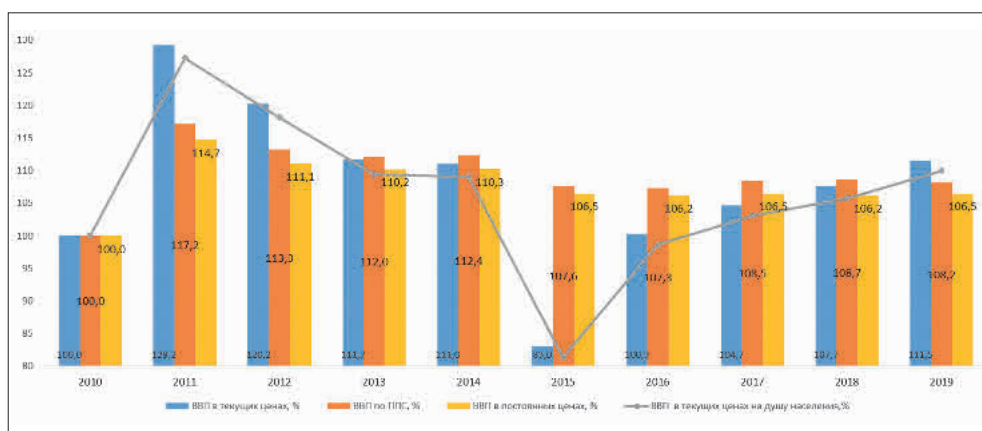

Рис. 1. Показатели темпов роста ВВП, %*

* Составлено автором по базе данных статистики *UNCTAD* // <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/report>, дата обращения 20.08.2020.

живается стабильный покупательский спрос. Высокий уровень социальной защиты населения (бесплатный доступ к широкому спектру ресурсов в коммунальной сфере, самый дешёвый бензин, бесплатный доступ к социальной инфраструктуре, государственное регулирование цен на продукты первой необходимости и т. п. *) сформировал уникальную для постсоветского пространства модель экономики [Кривошеев, 2017].

Особенностью туркменской экономики является централизованное распределение доходов от экспорта сырья между государственными корпорациями, их иностранными партнёрами ** [Гавричев, 2019] и государственным бюджетом, обеспечивающим весь спектр производства и предоставления общественных благ населению, при отсутствии рыночных свобод и конкуренции [Закон РТ № 208-III, 2008]. Туркмения использовала модель распределения сырьевой ренты между членами общества посредством перераспределения доходов через государственный бюджет с целью обеспечения равного доступа к социальным, природным и экономическим благам (экономическая модель Объединённых Арабских Эмиратов). Однако низкий уровень развития свободы предпринимательства, высокие входные барьеры на национальный рынок и, самое главное, авторитарная политическая система, наложившись на неблагоприятную ценовую конъюнктуру на энергоносители (в 2014—2015 гг. и, особенно, в 2019 г.) и нереализованную стратегию диверсификации рынков сбыта энергоресурсов, создали парадоксальную ситуацию снижения нефтегазовых доходов при растущем экспорте.

До 2014 г. экономика Туркмении была защищена от эффектов сотрудничества по принципу СРП небольшими объёмами таких поставок, на-

* С 1993 г. в Туркмении были введены «ниязовские» льготы для всего населения, которые включали в себя бесплатный лимитированный доступ ко всем коммунальным услугам (например, каждый гражданин имеет право на бесплатные 35 кВт·ч электричества, 50 куб. м газа и 250 л воды в день, соль; государственный контроль над ценами на продукты в государственных торговых точках; с 2008 по 2014 г. владельцы легковых автомобилей получали бесплатно 120 л бензина в месяц и т. п.). Эти льготы способствовали поддержанию приемлемого уровня жизни при фиксированном курсе туркменского маната на национальном рынке (средняя зарплата составляла 185 долл.). Однако в 2019 г. всеобщие льготы были отменены, и сейчас действует система адресной социальной помощи, существенно сократился уровень социальной помощи населению.

** Туркмения развивает сотрудничество с иностранными партнёрами на принципах СРП (совместного раздела прибыли), что при высоком уровне затрат на инфраструктурные объекты и модернизацию отрасли фактически обескровливает экономику, перенаправляя нефтегазовые доходы на покрытие кредитов. Это подтверждает неудачный опыт сотрудничества с Китаем. Например, в 2018 г. экспорт газа в Китай составил 34 млрд куб. м, но по соглашению СРП около 50% добытого и экспортированного газа принадлежит китайской стороне, доля туркменского оператора «Туркменгаз» составила 3,3 млрд долл. при условии погашения китайских инвестиций в проект более 4 млрд долл. до поступления денег в бюджет. Таким образом, растущий экспорт газа фактически не формирует доходов для экономики страны.

личием экспорта газа в Россию (доходы по экспортной выручке в полном объёме поступали в бюджет), низкой долговой нагрузкой по нефтегазовому сектору и долгосрочными контрактами по экспортным поставкам газа, которые фиксировали цену поставки и не менялись в зависимости от падения цен на мировом рынке нефти (несмотря на ценовую привязку газовых цен к нефти). Перечисленные факторы позволили существенно модернизировать нефтегазовую отрасль, особенно в части внедрения и освоения технологий глубокой переработки нефти и проработки добычи газа.

Системообразующую роль играет газодобывающая отрасль* [Индео, 2018; Матвеев, 2018]: она формирует основной экспортный потенциал и доходы государственного бюджета Туркмении, второй по значимости является нефтедобыча [Индео, 2018; Матвеев, 2018]** и переработка (ведётся добыча попутного газа), и, намного уступая, третий стратегический продукт — хлопок-волокно (в последнее время набирает силу текстильная промышленность). Нефтегазодобывающие отрасли совокупно с переработкой составляют более 80% от общего объёма произведённого продукта в промышленности.

Доходы государственного бюджета Туркмении, сформированные из экспортной выручки нефтегазовых отраслей, составляли до 65% в 2008 г., в 2015 г., после кризисного спада спроса на мировом энергетическом рынке, возник устойчивый дефицит государственного бюджета, максимум которого наблюдался в 2017 г. — на уровне 6,09% от ВВП.

* Газодобывающая отрасль стала бурно развиваться с 1999 г., когда был принят закон об отмене экспорта газа. Объём добычи и экспорта газа в 2000 г. достиг 50 млрд куб. м. До 2004 г. единственным способом транспортировки экспортного газа для Туркмении был газопровод Средняя Азия — Центр и дальнейшая отправка морским путём через Россию и Украину. Поэтому до 2007 г. основным покупателем газа была Россия (объём закупок «Газпрома» варьировался от 34 до 70 млрд куб. м газа, в 2016 г. закупки газа Россией были прекращены).

С 1995 г. начал работу газопровод Корпедже — Курт-Куи, по которому осуществляются поставки в Иран и в восточном направлении (поставки в объёме 13 млрд куб. м газа ежегодно). В 2009 г. были введены в эксплуатацию газопроводы Туркмения — Китай (Казахстан — Китай — его часть) мощностью 40 млрд куб. м ежегодно и Туркмения — Иран (Довлетабат — Салыр Яп).

Основные предприятия по добыче газа — государственные корпорации «Туркменгаз», «Туркменгеология», «Туркменнефть».

** Действуют два НПЗ мощностью около 7 млн переработки нефти в бензин. Есть запасы нефти, не освоенные на каспийском шельфе из-за неурегулированности споров с Азербайджаном. Основные производители — «Туркменгаз», «Туркменнефть». В отличие от газа нет доказанных объёмов для наращивания объёмов добычи; по оценке ВР, неиспользованные запасы шельфа — около 20 млрд т.

По официальной статистике, последние данные представлены за 2016 г., но, по расчётам статистической базы трейдеров *Masterforex-V*¹, данный уровень дефицита сохранился и, по итогам 2019 г. (доходы — 4,66 млрд долл.), внешний долг достиг 30% от ВВП (12,35 млрд долл.), темп инфляции — 9,4% (13,2% в 2018 г.), что является следствием описанных выше особенностей функционирования газодобывающей отрасли.

Таким образом, жёсткая привязанность туркменской экономики к энергетическому сектору обусловила высокие риски зависимости от состояния и флуктуаций мирового рынка энергоресурсов, геополитических факторов конкуренции по транспортным коридорам транзита энергоресурсов. С учётом перегрева мирового рынка энергоресурсов, который под давлением совокупности геоэкономической конкуренции на данных рынках (сланцевая составляющая, ограничения ОПЕК, жёсткое администрирование доступа на рынки ЕС и т. п.), когда условия покупателей существенно снижают потенциал экспортёров, у туркменского энергосектора возникают риски потери уровня доходности. При этом экономическая модель данной республики диктует необходимость всё в большей степени расширять рынки сбыта (диверсификация крайне важна для ухода от диктата одного покупателя — КНР), что крайне затруднительно, т. к. практически все направления возможных поставок крайне затратны и на сегодняшний день возможны лишь на условиях СРП.

Единственным бесспорным преимуществом Туркмении является высокий уровень запасов энергоресурсов, которым пользуется руководство страны для привлечения инвестиций². Это создаёт возможность манёвра в расширении инвестиционных вливаний в экономику вкупе с высокой степенью управляемости (и закрытости рынка), в Туркмении создана специфическая модель планового развития в рамках государственных программ развития и модернизации экономики [Национальная программа..., 2010]. Авторитарный стиль и закрытость экономики позволяет республике нивелировать потери от падения цен, социальную напряжённость решать за счёт наращивания финансирования социальной сферы (65—80% расходов государственного бюджета направляется на социальное развитие). В результате экономика Туркмении существенно прогрессировала в направлении наращивания глубины переработки основных сырьевых продуктов, что позволило ей нарастить доходность экономики [Мигранян, 2016].

¹ Экономика Туркмении глазами трейдеров *Masterforex-V* // <https://www.masterforex-v.org/wiki/economy-turkmenistan.html>, дата обращения 20.08.2020.

² Богатства недр Туркмении оценены только на глубине залегания до 7 км // <http://www.energyland.info/analitic-show-95997>, дата обращения 23.08.2020.

Инвестиционное сотрудничество Туркмении: фактор Китая и России

Детальный анализ инвестиций и состояния финансовой устойчивости Туркмении крайне затруднён из-за отсутствия доступа к статистическим данным, в этой связи возможен лишь фрагментарный анализ по данным СМИ и/или зеркальной статистики.

В Туркмении на протяжении всего периода исследования наблюдался довольно высокий уровень притока инвестиций под гарантии государства и прямых инвестиций. По данным Азиатского банка развития (АБР), по объёму прямых инвестиций страна занимала лидирующие позиции среди партнёров по СНГ. Рост прямых инвестиций — от 0,08 млрд долл. (или 2,48% от ВВП) в 1993 г. до 3,8 млрд долл. (или 8,6% от ВВП) в 2014 г. (достигнув в 2009 г., в период строительства газопровода Туркмения — Китай, пика — 4,55 млрд долл., что составило 22,52% от уровня ВВП) [Статистическая база *UNCTAD*]. Основная часть прямых инвестиций, 77%, по данным 2012 г., пошла в нефтегазовый сектор (26% — на добычу нефти и 27% — на строительство трубопроводов, 24% — на строительство и модернизацию мощностей по переработке нефти и газа), 5% — на развитие химической промышленности, 3% — на строительство недвижимости и 15% — на другие отрасли. Основными странами-кредиторами являлись: Китай — 39%, Россия — 16%, страны Персидского залива — 12%, Турция — 9%, Канада — 8%, другие страны — 16%³.

Развитие инвестиционной активности внешних кредиторов с 2015 г. в Туркмении сосредоточилось в нефтегазовой сфере, что повлияло на снижение уровня инвестиций в динамике соразмерно флуктуациям мирового рынка энергоносителей (рис. 2). Объём прямых инвестиций в 2000 г. составил 131 млн долл. (2,7% от ВВП и 7,5% от основного капитала), в 2010 г. — соответственно 3391 млн долл. (11,6 и 22,3%), в 2014 г. — 3830 млн долл. (8,8 и 17,7%), далее наблюдалось падение до 2018 г. — 2185 млн долл. (4,9 и 9,8%), в 2019 г. — незначительный рост до 2165 млн долл. и 4,8% от ВВП.

Период роста до 2000 г. в основном был обусловлен развитием нефтедобычи и переработки, в 2000—2006 гг. было более равномерное инвестирование в модернизацию и развитие по всему промышленному сектору переработки, с 2007 по 2014 г. основная часть инвестиций направлялась в газодобывающую отрасль и в строительство транспортной инфраструктуры (газопроводы)⁴. С 2015 г. темпы роста прямых инвестиций существенно упали, несмотря на все попытки инициировать новые нефтегазовые про-

³ Связи Центральной Азии с глобальными экономическими центрами, 2015 — Азиатский банк развития // <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/166905/adbi-connecting-central-asia-economic-centers-final-report-russian.pdf>, дата обращения 23.08.2020.

⁴ Растёт потенциал Туркмении в обеспечении глобальной энергетической безопасности // <http://www.tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article19017&cat14>, дата обращения 24.08.2020.

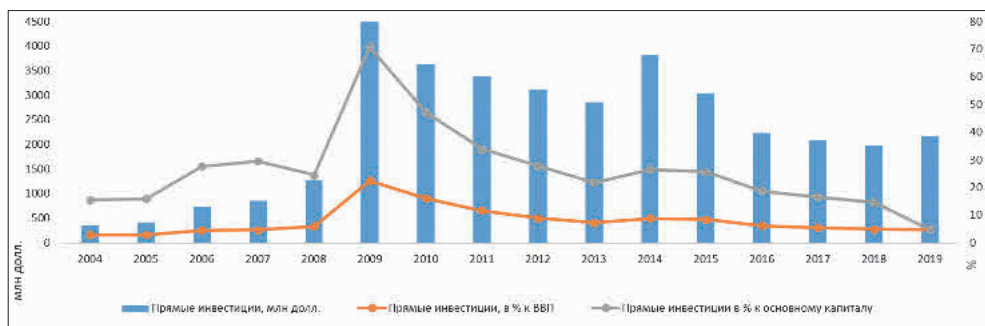

Рис. 2. Показатели прямых инвестиций в Туркмению*

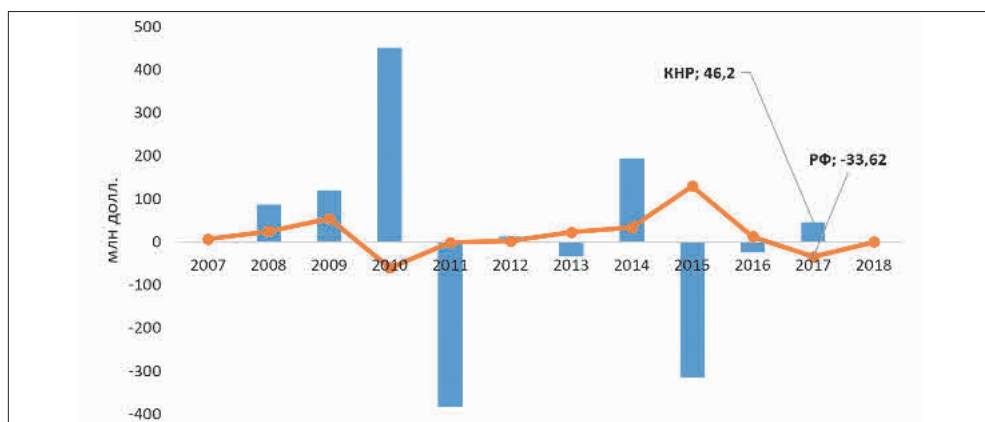

Рис. 3. Прямые инвестиции России и Китая в Туркмению**

екты, что было обусловлено неблагоприятной рыночной конъюнктурой и геополитическими факторами. В 2019 г. рост инвестиций был обеспечен активностью вливаний японских, китайских, южнокорейских инвесторов в газохимический сектор Туркмении, общий пакет инвестиций достиг 4,6 млрд долл.⁵, что составило 42% от годового притока, 28% составили китайские и 21% – южнокорейские инвестиции.

⁵ Япония лидирует по инвестициям в Туркмению // <https://sng.today/ashkhabad/11572-investicii-v-turkmenistan-bolshe-vseh-vlozhila-japonija.html>, дата обращения 24.08.2020.

* Составлено автором по базе данных UNCTAD (<https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>, дата обращения 24.08.2020).

** Составлено автором по данным зеркальной статистики *Trade statistics for international business development* (<https://www.investmentmap.org/investment/time-series-by-country>, дата обращения 25.08.2020).

Масштабные инвестиции Китая в наиболее рентабельный сегмент туркменской экономики замещают традиционных инвесторов, прежде всего российских. Динамика российских и китайских инвестиций (рис. 3) подтверждает разнонаправленные тренды инвестиционной активности российских и китайских инвесторов в Туркмении, природа которых кроется в сложных отношениях в энергетической сфере.

Динамика накопленных прямых инвестиций по итогам 2019 г. показывает безусловное лидерство китайских инвестиций в общем инвестиционном портфеле Туркмении, которые после 2007 г. практически полностью сконцентрированы в сфере газодобывающей отрасли и трубопроводной инфраструктуры, газопереработки. По данным Американского института предпринимательства (*American Enterprise Institute for Public Policy Research — AEI*), совокупная величина накопленных инвестиций и проектного финансирования по основным энергопроектам в Туркмении составила 6,2 млн долл. в 2005–2013 гг. и 600 млн долл. в 2015–2018 гг., более 85% от всей суммы инвестиций в 2005–2013 гг. и 30% в 2015–2018 гг.⁶ было направлено в сферу энергетики.

Энергетические проекты, инвестируемые Китаем и Россией

Инвестиционная активность Китая стала базовым стартом реализации стратегии диверсификации экспорта энергоресурсов Туркмении, которая целенаправленно использовала инвестиционные ресурсы для решения проблемы зависимости от российской газотранспортной инфраструктуры — единственного газопровода Средняя Азия — Центр, обеспечивающего транзит и экспорт туркменского газа.

Противоречия между «Газпромом» и туркменской стороной по уровню тарифов за прокачку и цене закупаемого РФ газа в 1997 г. привели к остановке экспорта туркменского газа на Украину. Несговорчивость Туркмении была обусловлена завершением строительства и вводом в эксплуатацию нового газопровода Корпедже — Курт-Куи (мощность прокачки 6 млрд куб. м в год) в Иран в том же году, позже была освоена прокачка и через второй иранский трубопровод — Довлетабад — Серахс — Хангеран мощностью 10 млрд куб. м. Эти два взаимодополняющих события окончательно сформировали стратегию минимизации газотранспортного сотрудничества Туркмении с РФ и поиск альтернативных маршрутов, что стало её государственной доктриной внешней политики. Несмотря на это, роль российской газотранспортной системы оставалась определяющей до 2009 г. (90% экспорта туркменского газа перекачивалось через газопровод Средняя Азия —

⁶ Центральная Азия на карте нового Шёлкового пути // <https://caa-network.org/archives/16044>, дата обращения 25.08.2020.

Центр), когда был введён в эксплуатацию китайский проект «Центральная Азия — Китай».

Газопровод Центральная Азия — Китай* проектной стоимостью 6,7 млрд долл. Китай инвестировал для обслуживания двух туркменских месторождений — Галканыш** и Багтыярлык, которые разрабатываются совместно с туркменской стороной на условиях СРП*** (совокупная стоимость инвестиционных вложений КНР в разработку этих месторождений — 8 млрд и 4 млрд долл. соответственно). Реализация инвестиционных проектов обеспечила добычу и экспорт в Китай туркменского газа через три основные нитки газопровода Центральная Азия — Китай до 35—40 млрд куб. м**** газа ежегодно при одновременном снижении до 10 млрд куб. м транзита через российский газопровод Средняя Азия — Центр до 2016 г. [Мордюшенко, 2016]****. В 2017 г. были полностью прекращены поставки газа и в Иран***** , что обеспечило монополию китайских интересов на туркменском рынке. Учитывая условия совместного распределения доходов от разработок месторождений и необходимость погашения кредитов по строительству газопровода Центральная Азия — Китай, туркменская сторона фактически не в состоянии формировать отложенные накопления от доходов по эксплуатации китайских проектов [Цзя, 2019]. В результате Туркмения вновь оказалась перед выбором альтернативных транспортных маршрутов [Грозин, 2018].

Решение проблемы диверсификации экспорта газа Туркмения видит в реализации нескольких альтернативных проектов строительства новых

* Газопровод Центральная Азия — Китай включает в себя три параллельные линии (А, В и С), пролегающие по маршруту Туркмения — Узбекистан — Казахстан — Китай. Основной объём поставок газа в КНР — 35—40 млрд куб. м в год — обеспечивает Туркмения. Линия D будет проложена от границы Туркмении по территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Она предназначена для подачи газа в южную и центральную части Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Её протяжённость составляет около 1000 км, пропускная способность — 30 млрд куб. м газа в год.

** В освоение Галканыш кроме китайской *CNPC* также инвестировали Южная Корея (*Hyundai Engineering* и *LG International Crp*), *Petrofac International* и *Gulf Oil & Gas Fze* (Объединённые Арабские Эмираты).

*** Оценочная величина запасов этих месторождений — 13 и 1,3 трлн куб. м.

**** Проектная пропускная способность всех 4 веток коридора Центральная Азия — Китай составят 85 млрд куб. м, а туркменских поставок в Китай — возрастёт до 65 млрд куб. м.

***** В 2016 г. Россия полностью разорвала контракт на закупку туркменского газа, соглашение о восстановлении поставок было подписано в 2019 г. на прокачку пробной партии с целью проверки дееспособности транзитной инфраструктуры.

***** Конфликт между Ираном и Туркменией возник из-за предъявления последней претензий по оплате долга более 2 млрд долл. по поставленному газу, который иранская сторона не признаёт в силу несогласованности изменения цен и переплаты по другим поставкам. Нерешённость данного спора привела к пересмотру иранской стороной контракта по взаимным поставкам газа для последующего транзита в Турцию, зафрахтованные объёмы газа были перенаправлены в Армению и Азербайджан.

трубопроводов, которые позволят ей сбалансировать степень влияния китайских инвесторов и российский фактор. Речь идёт о следующих газотранспортных проектах:

- Газопровод Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ) [Булаев, 2016; Фараджи, Моради, 2012] был анонсирован в 2010 г. с проектной мощностью прокачки 33 млрд куб. м газа в год. Но по ряду причин, в первую очередь недостаточности ресурсного обеспечения^{7*,**}, отсутствия договорённости по техническим параметрам проекта и источникам финансирования [Игнатьева, 2020]^{***}, сложности с технологическим обеспечением и поставками труб^{8****}, не говоря уже о геополитической нестабильности региона и негативной конъюнктуре мирового энергетического рынка, ввод магистрали в эксплуатацию переносился три раза – с 2018 на 2022 г.
- Трубопровод Восток – Запад был инициирован Туркменией в 2010 г., строительство велось туркменскими компаниями при поставках российских комплектующих, строительство было завершено в 2015 г., что позволило закольцевать газовые месторождения страны. С вводом в эксплуатацию данной магистрали Туркмения получила возможность не только удовлетворить свои внутренние потребности, но и обеспечить возможности транзита добываемого газа через проектируемый Прикаспийский газопровод в Россию и Казахстан (как альтернатива газопроводу Средняя Азия – Центр), в Иран, ЕС и к каспийскому побережью. Реализация этих перспектив стала возможной после подпи-

⁷ Азиатский банк развития стал транзакционным советником проекта газопровода ТАПИ // <http://turkmenistan.gov.tm/?id=5325>, дата обращения 25.08.2020.

⁸ ЧТПЗ завершил отгрузку труб для газопровода ТАПИ в Туркмению // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/515408-chnpz-zavershil-otguzku-trub-dlya-gazoprovoda-tapi-v-turkmenistan/>, дата обращения 25.08.2020.

* Предполагалось, что основной ресурсной базой проекта станет туркменское месторождение Довлетабад, но в силу его истощённости были привлечены ресурсы Галканыш, однако затянувшиеся на долгие 9 лет процедуры согласования и окончательного подписания со всеми участниками проекта соглашений на покупку необходимых компонентов для наполнения газопровода газом, необходимых для достижения проектной пропускной способности, столкнулись с тем, что Китай практически полностью законтрактовал мощности данного месторождения.

** В 2013 г. был подписан первый контракт между «Туркменгазом», Афганской газовой корпорацией, корпорацией *Inter State Gas Systems (Private) Limited* (Пакистан), компанией *GAIL* и АБР по проекту и финансированию трубопровода.

*** В конце 2015 г. началось строительство туркменской части, в 2018 г. – афганского участка, а к концу того же года был определён окончательный объём проектной стоимости (сокращён до 7 млрд долл.). Основными инвесторами являются Саудовский фонд развития (2 транша в 2017 и 2019 гг.), АБР, ЕБРР.

**** В 2019 г. Челябинский трубопрокатный завод поставил свыше 150 тыс. т труб для строительства МГП ТАПИ по соглашению, подписанному в 2018 г., оплата поставки была осуществлена за счёт открытой кредитной линии Сбербанка РФ Туркменией.

Рис. 4. Схема действующих и проектируемых трубопроводов Туркмении

Источник: [United Nations]

сания Конвенции о правовом статусе Каспия [Конвенция..., 2018]*. Проектная стоимость — чуть более 2 млрд долл., источник заимствования — под государственные гарантии.

- Транскаспийский газопровод по дну Каспия может способствовать решению проблемы транспортной доступности европейских рынков для туркменского газа, т. к. он может помочь Туркмении включиться в Южный коридор через выход к азербайджанским трубопроводам. Довольно долгим было российское и иранское противодействие по использованию дна Каспийского моря, но подписанная Конвенция о правовом статусе Каспийского моря может снять ограничения.

Таким образом, реализация альтернативных маршрутов (рис. 4) транзита туркменского газа может помочь Туркмении обрести полную независимость от монопольного диктата китайских или российских инвесторов (контролирующих трубопроводы) [Грозин, 2014]. Вопрос реализации амбициозных планов Туркмении наталкивается на острый дефицит инвестиционных ресурсов и быстро меняющийся ландшафт трубопроводов, который существенно влияет на интересы основных игроков [Индео, 2018].

* Снимает требование полного согласования использования дна Каспия в коммерческих целях между всеми пятью странами, оставляя право решения за соседними государствами.

Так, построенные Россией газопроводы «Северный поток», «Турецкий поток» и «Сила Сибири» существенно диверсифицировали экспортные возможности и сместили её интересы в пользу участия в рассмотренных выше туркменских проектах, что существенно стимулирует инвестиционную активность РФ в них. В качестве примера — участие России в проекте ТАПИ.

Более того, российские инвестиционные проекты в Туркмении по нефтедобыче и переработке остаются существенными и перспективными с точки зрения их окупаемости и участия российских компаний на данном рынке. Российские инвесторы («Роснефть», «Итера», «Зарубежнефть», ЛУКОЙЛ, «Татнефть», «Транснефть») участвуют в разработке нефтяных месторождений, сервисном обслуживании технологических процессов, поставках специального оборудования. В 2019 г. «Татнефть» и *Türkmennebit* заключили новый контракт на технологический сервис бурения скважин, внедрение новых технологий автоматизации в нефтедобыче на месторождении Готурдепе.

Внешнеторговое сотрудничество Туркмении с Россией

Уровень уязвимости туркменской экономики показывает нестабильный характер динамики внешней торговли, являющейся основой её благополучия. Внешнеторговая деятельность Туркмении демонстрирует высокие темпы роста в период роста спроса и стабильных цен на мировых рынках энергоресурсов и такие же высокие темпы снижения объёмов в период падения спроса и цен на них (рис. 5). Рост оборота в 2011–2012 гг. на 6577 млн долл.

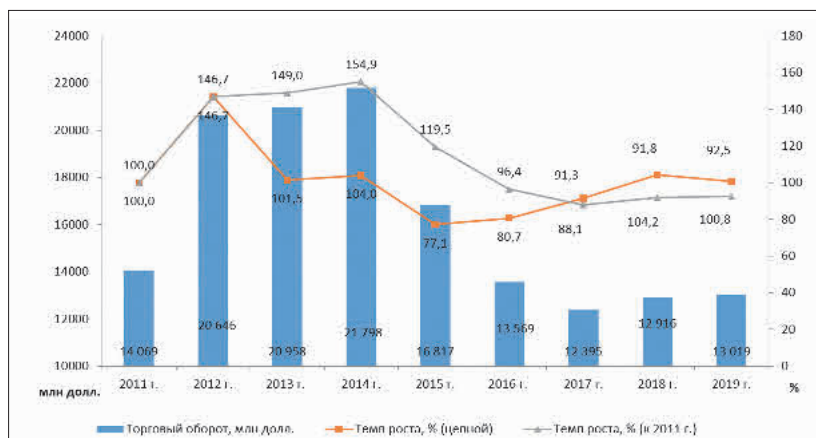

Рис. 5. Показатели внешней торговли в 2011–2019 гг.*

* Составлено по данным статистической базы *International Trade Centre* // <https://www.trademap.org>, дата обращения 27.08.2020.

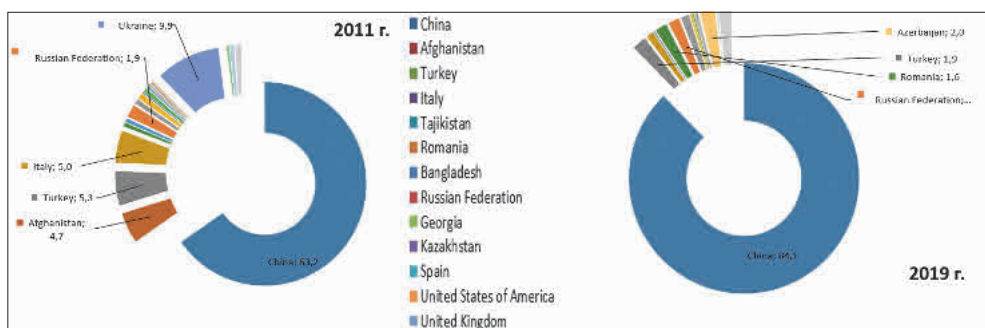

Рис. 6. Географическая структура экспорта Туркмении, %*

(46,7%) связан с ростом экспортных поставок газа в Китай и на Украину через российский газопровод. С 2015 г. наблюдается устойчивый спад темпов роста торгового оборота на 23, 19,3% (2016 г.), 9,7% (2017 г.), и далее — небольшой рост в 2018 г. на 4,2%, который не покрыл спад по сравнению с базисным 2011 г. на 7,5%. Негативный тренд снижения внешнеторгового оборота обусловлен не только флуктуациями внешнего рынка, но и геополитическими факторами нестабильности в регионе.

Проблемы туркменского экспорта — в его ориентации на два основных продукта — газ и нефть — и продукты их переработки. По данным зеркальной статистики, их доля во внешнеторговом обороте устойчива и составляет около 90% в исследуемом периоде (90,5% в 2011 г., 85,2% в 2016 г. (это самый низкий показатель) и 93,8% в 2019 г.), третьей экспортной статьёй республики с выраженной тенденцией снижения является хлопок (5,6% в 2011 г. и 2,1% в 2019 г.), товарная структура импорта более диверсифицирована, но и в ней доминируют машины и производственные средства для нефте- и газодобывающих отраслей — около 50% всего импорта. Основные товарные группы импорта в Туркмению: машины, механические приспособления, ядерные реакторы, котлы — 19,4 и 20,2%, изделия из железа и стали — 14,1 и 11,9%, электрические машины и оборудование — 10,2 и 11,9%, транспортные средства — 6,8 и 5,8% и 6,8% в 2011 и 2019 гг. соответственно [International Trade Centre].

Географическая структура туркменского экспорта также отличается крайне низким уровнем диверсификации (рис. 6) с выраженной тенденцией монополизации в пользу экспорта в Китай (63,2% в 2011 г. и 84,1% в 2019 г., т. е. вырос с 4693 млн до 8686 млн долл., или на 85%) [International Trade Centre]. Учитывая тот факт, что столь значительный рост произошёл только за счёт

* Составлено по данным статистической базы International Trade Centre // <https://www.trademap.org>, дата обращения 27.08.2020.

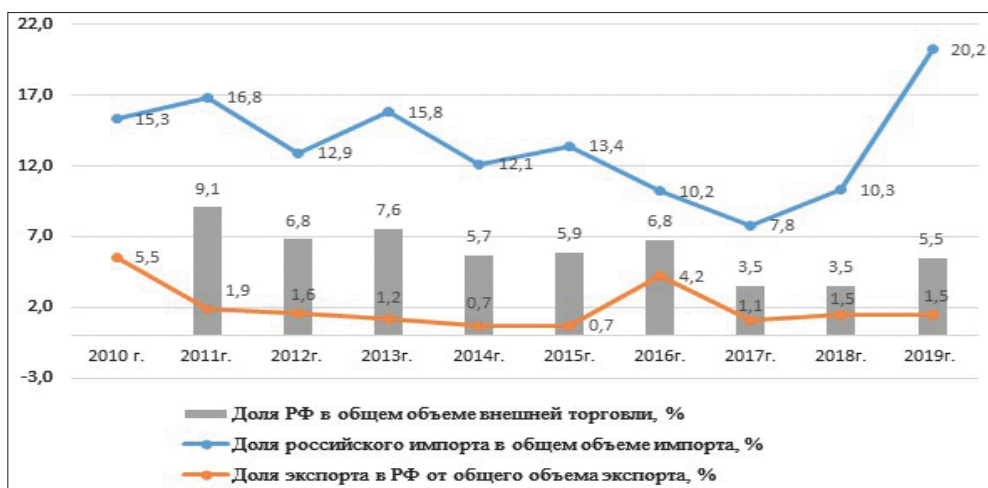

Рис. 7. Динамика взаимной торговли России и Туркмении, % *

экспорта газа, зависимость Туркмении от одного покупателя становится крайне опасной для сохранения не только экономической, но и финансовой независимости при тотальной закредитованности тем же Китаем.

В этих условиях диверсификация экспорта для Туркмении становится вопросом сохранения суверенитета. При монопродуктовом нефтегазовом экспорте данная проблема труднорешаема, поскольку она непосредственно связана с решением проблем газопроводов и ценовой привлекательностью в условиях жёсткой конкуренции на внешних рынках и геополитических факторов давления. Как показал опыт Туркмении с поставками газа в Иран и Россию, именно в этих вопросах она имеет наибольшие сложности.

Анализ структуры экспорта и импорта Туркмении показал, что независимо от разрыва газовых контрактов Россия оставалась наиболее стабильным внешнеторговым партнёром. Доля двусторонней торговли с Россией в общем объёме внешнеторгового оборота Туркмении снизилась практически в два раза — с 9,1% в 2011 г. до 5,5% в 2019 г., что было обусловлено сокращением доли экспорта с 5,5 до 1,5%, но одновременным ростом доли российского импорта с 15,3 до 20,2% (рис. 7) [International Trade Centre]. Причём в отличие от других торговых партнёров, с которыми, так же как с Россией, были прервано газовое сотрудничество, значимость российского импорта в республику позволяла решать проблему диверсификации экспорта и сохранять стабильность. Перспективность торговых отношений с Россией подтверждается и восстановлением газовых поставок в 2019 г.

* Составлено по данным статистической базы International Trade Centre // <https://www.trademap.org>, дата обращения 27.08.2020.

При этом в исследуемом периоде сохраняется отрицательное сальдо торгового баланса Туркмении (табл. 1) во взаимной торговле в пользу России, объёмы импорта превышали в три и более раза туркменский экспорт. Данные по торговым потокам, объёму и темпам роста взаимного торгового оборота демонстрируют устойчивую зависимость от российских поставок по значимым для туркменской экономики сферам деятельности.

Показатели взаимной торговли между Туркменией и Россией

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Импорт из России, млн долл.	717,5	1116,8	1210,7	1429,9	1137,7	901,7	570,6	343,8	288,8	543,3
Экспорт в Россию, млн долл.	148,1	142,6	183,8	139,4	90,9	72,9	331,2	84,4	155,2	151,5
Торговый оборот, млн долл.	886,4	1278,1	1409	1586,3	1241,4	988,7	916,2	437,1	455,8	716,5
Темп роста торгового оборота, %	100	144,2	110,3	112,58	78,3	79,6	92,7	47,7	104,3	157,2
Сальдо торгового оборота, млн долл.	-569,4	-974,2	-1026,9	-1290,5	-1046,8	-828,8	-239,4	-259,4	-133,6	-391,8

Товарная структура туркменского экспорта в Россию в 2011–2019 гг. имеет относительно высокую степень дифференциации по сравнению с экспортом с другими основными партнёрами. После разрыва контракта по поставкам газа в РФ лидирующие позиции сохраняются по экспорту пластмасс (34,2% в 2011 г. и 43,5% в 2019 г. от общего объёма экспорта в РФ), продукции нефте- и газохимии. Нефте- и газохимическую переработку Туркмения развивает с участием японских, южнокорейских инвесторов; в частности, вложения инвестиций Японии позволили увеличить объём экспорта пластмасс с 46,8 млн долл. в 2018 г. до 65,9 млн долл. в 2019 г.

Поставки хлопка – вторая по значимости статья экспорта в Россию, его доля в общем объёме экспорта составляла 24,4% (34,8 млн долл.) в 2011 г. и 23,9% (36,2 млн долл.) в 2019 г.; экспорт масел и продукции минерального происхождения – 17,1% (24,3 млн долл.) и 6% (9 млн долл.), изделий из текстиля – 12,3% (17,6 млн долл.) и 6,6% (9 млн долл.) соответственно по годам.

За исследуемый период существенно вырос объём экспортных поставок в РФ фруктов, бахчевых культур, орехов – с 0,9% (0,3 млн долл.) в 2011 г. до 1,5% (13,6 млн долл.) в 2019 г., поставок шерсти (волокна и ткани) – с 2 до 3,5% (в стоимостном эквиваленте рост незначителен – с 2,7 млн до 2,9 млн долл.) соответственно по годам.

Российский экспорт в Туркмению отличается высокой степенью диверсификации и в основном представлен товарами и продуктами глубокой

степени переработки, что крайне важно с точки зрения продвижения экспорта несырьевого сектора экономики. Данный фактор является основным драйвером поддержки стабильного уровня и цикличного прироста российского экспорта отдельных видов продукции в Туркмению. Безусловным лидером экспортных поставок являются стальные трубы для газопроводов и прочие стальные (железные) изделия, удельный рост которых в общем объеме российского экспорта в Туркмению растёт периодически по мере возобновления российского участия в нефтегазовом секторе республики (см. выше инвестируемые проекты). Доля поставок изделий из железа и стали составляла 30% в 2011 г. (в 2010 г. — 10%), 11% в 2013 г., 28% в 2016 г., 2,8% в 2017 г. и 28,5% в 2019 г., стоимостный объём поставок в период пиков — 245,9 млн, 160,3 млн, 155 млн долл. в соответствующие периоды и 9,7 млн долл. в 2017 г. Вторую по значимости позицию (8–10%) занимают в российском экспорте поставки транспортных средств (в основном грузового автотранспорта и спецтранспорта), третью — металлы (железо и сталь, 10–7%), и далее (3–4%) равномерно распределяются поставки следующих товарных групп: продукция химического производства, животные и растительные масла, лекарственные средства и препараты, машины и механизмы промышленного назначения, древесина и изделия из неё, удобрения. Также широк спектр поставок товаров и продукции глубокой переработки конечного потребления (более 30 товарных групп по ТН ВЭД, удельный вес которых распределяется от 1 до 3% в общем объёме экспорта РФ в Туркмению).

Таким образом, торговые отношения между Россией и Туркменией остаются довольно стабильными в силу взаимной заинтересованности в них, не считая сложных и конкурентных отношений в газовом сотрудничестве. Туркмения, учитывая её сложное положение внешней зависимости от экспорта одного продукта одному покупателю и финансовой зависимости от него (КНР на данном этапе), в лице России имеет стабильного партнёра, поставки которого способствуют решению стратегических задач (строительству и развитию инфраструктуры нефтегазового комплекса и в перспективе диверсификации её продукции). Россия, несмотря на конкуренцию на газовом рынке и споры в нефтяном секторе (недропользование Каспия), получает рынок для продвижения экспорта своего несырьевого сектора, что также является стратегическим приоритетом российской экономики. В данных условиях перспективы сотрудничества России и Туркмении в целях продвижения российских интересов могут быть определены в следующих направлениях:

- развитие сотрудничества в газовом секторе, что требует учёта имеющихся ранее противоречий и более гибкой ценовой политики;
- расширение инвестиционного сотрудничества в секторе нефтедобычи и переработки, особенно на каспийских шельфовых месторождениях, в инфраструктурных проектах (особенно трубопроводов);

- более активное участие в многосторонних проектах по переработке нефти и газа в качестве инвестора и партнёра, в том числе по принципу СРП;
- расширение традиционных торговых связей с использованием более широкого круга ассортиментных позиций;
- продвижение российских цифровых продуктов, платформ в туркменский сектор на основе государственных соглашений и контрактов.

Сложный и противоречивый характер российско-туркменских отношений вызван противоречиями интересов стран в газовом секторе на мировых и региональных рынках. Начиная с 1997 г., когда только Россия обладала монополией транзита туркменского газа, и до 2009 г. был взаимный интерес по наращиванию объёмов поставок газа через газопровод Средняя Азия — Центр, но динамичная ценовая конъюнктура на газ вызывала непреодолимое противостояние между странами. Рост цен на газ в 5,2 раза с 2004 по 2008 г. (44 и 300 долл.) стал видимой причиной разногласий между странами. На деле противоречия гораздо более глубокие, нежели просто борьба за перераспределение прибыли. В тот период Россия была заинтересована в сохранении монопольного положения, доминирования над туркменским газовым транзитом. С начала 2000-х, после соглашения по газовой сфере [Соглашение..., 2003] *, подписанного в 2003 г., Россия активно продвигала своё участие в строительстве туркменских газопроводов. По условию соглашения туркменский газ менял своего собственника на границе Туркмении и Узбекистана, где он становился российским, а поставки на Украину шли из российских месторождений, однако Туркмения продолжала настаивать на росте цен на уровне мировых (в 2004—2008 гг. удалось добиться согласия туркменской стороны на повышение цены с 44 до 150 тыс. долл. за куб. м).

В 2009 г. на очередной туркменский запрос на повышение цен был дан категорический отказ, т. к. туркменская сторона считала газ своей собственностью до украинской границы. В результате в 2009 г. начались конфликты: российский «Газпром» отказался удовлетворить требование роста цен, в ответ Туркмения передала контракт на строительство газопровода Восток — Запад другим контрагентам, что свидетельствовало об окончательном решении Туркмении перейти к строительству альтернативных трубопроводов и уходу от российской транзитной монополии. В условиях сокращения экспорта газа на Украину российский «Газпром» сократил сначала до 10 млрд куб. м в год, а в 2015 г. — и до 4 млрд куб. м и прекратил прокачку туркменского газа, разорвав действие договора в 2016 г.

Возобновление поставок началось весной 2019 г. по временному соглашению, которое создало условия для подписания нового контракта по за-

* Было рассчитано на 2003—2028 гг., предполагало прокачку 70—80 млрд куб. м в год, для чего предусматривалось участие РФ в строительстве Прикаспийского газопровода и газопровода Восток — Запад. Максимальный объём прокачки газа составлял 40 млрд куб. м в год, из которых 3/4 экспортировалось на Украину.

купке туркменского газа до 2024 г. общим объёмом 5,5 млрд куб. м. Возобновление газовых поставок направлено на формирование дополнительного запаса в портфеле «Газпрома», а Туркмении позволяет выйти из-под тотальной газовой монополии Китая и получить поступления в бюджет от экспорта, что снижает риски коллапса действующей экономической модели Туркмении.

После подписания Конвенции по правовому статусу Каспия для России актуализируется вопрос расширения инвестиционного присутствия в каспийском секторе разработки туркменских нефтяных месторождений, т. к. предсказуемо в данном сегменте усилится конкуренция международных инвесторов. На данный момент, когда мировой рынок перегружен предложением, можно воспользоваться отсутствием активности инвесторов и расширить российское присутствие не только в туркменском секторе, но и в целом на Каспии. Для этого есть все возможности: наличие технологий и материальной базы разработки морских шельфов, достаточные по масштабам запасы нефти и газа.

Не менее актуальным является инвестирование участия российских компаний при строительстве Транскаспийского газопровода, что позволит перенаправить газовые потоки и обеспечить доступ российского газа в туркменские проекты и далее — в международные проекты, что может усилить позиции российских компаний нефтегазового сектора на мировых рынках в условиях ужесточения администрирования на европейских рынках, конкуренции на мировых рынках.

Список литературы

Государственный комитет Республики Туркменистан по статистике // <http://www.stat.gov.tm/ru/main/info/social-econ/esasy-soc/osnovnyie-itogi-soczialno-ekonomicheskogo-razvitiya-turkmenistana-za-yanvar-dekabr-2015-goda.pdf>, дата обращения 20.08.2020.

Национальная программа социально-экономического развития Республики Туркменистан на 2011–2030 гг. // http://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_33/262&lang_id=ru, дата обращения 23.08.2020.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 2018 // <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>, дата обращения 25.08.2020.

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Туркменистан о сотрудничестве в газовой отрасли (10 апреля 2003 г.) // <http://www.kremlin.ru/supplement/1662>, дата обращения 30.08.2020.

Закон Республики Туркменистан от 20 августа 2008 года № 208-III «Об углеводородных ресурсах» (с изменениями и дополнениями по состоянию

на 09.06.2018) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31342588, дата обращения 19.08.2020.

Мигранян А. А., 2016. Специфика экономических систем стран Средней Азии // От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона. М.: Науч. эксперт. С. 48–80.

Абдырахманов А. Ч., 2019. Роль топливно-энергетического сектора Туркменистана в экономике страны // Инновации и инвестиции. № 9. С. 337–345.

Булаев С. А., 2016. Газопровод «ТАПИ»: задачи, перспективы и конъюнктура газового рынка // Управление устойчивым развитием. № 4 (05). С. 24–32.

Грозин А. В., 2014. Под Туркменским ковром. Элиты Туркменистана и «газовая геополитика» // Постсоветский материк. № 1 (1). С. 37–57.

Грозин А. В., 2018. Энергетическое партнёрство Туркмении и Китая // Геоэкономика энергетики. № 3. С. 75–90.

Кривошеев К., 2017. В Туркмении кончился бесплатный газ // Коммерсантъ. № 101. С. 6.

Проклов И., 2011. Экономика Туркменистана: итоги 2010 года // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14. № 2. С. 203–212.

Фараджи Рад А. Р., Моради Г., 2012. Трубопровод ТАПИ и его влияние на региональное и межрегиональное соперничество // Центральная Азия и Кавказ. Т. 15. № 2. С. 94–111.

Цзя Ю., 2019. Опыт, перспективы и проблемы сотрудничества Китая и Туркмении в области природного газа // Вопросы политологии. Т. 9. № 7 (47). С. 1590–1598.

Гавричев С., 2019. Туркменистан: без нефти, но с газом // <https://oilcapital.ru/article/general/02-08-2019/turkmenistan-bez-nefti-no-s-gazom>, дата обращения 22.08.2020.

Игнатьева И., 2020. Нужны ещё средства. Саудовский фонд развития выделит новый кредит на финансирование проекта ТАПИ // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/517166-nuzhny-eshche-sredstva-saudovskiy-fond-razvitiya-vydelit-novyyu-kredit-na-finansirovanie-proekta-tapi/>, дата обращения 25.08.2020.

Индео Ф., 2018. Энергетическая стратегия Туркменистана – диверсификация экспортных маршрутов // <http://casp-geo.ru/energeticheskaya-strategiya-turkmenistana-diversifikatsiya-eksportnyh-marshrutov/>, дата обращения 23.08.2020.

Матвеев И. Е., 2018. Нефтегазоперерабатывающая отрасль Туркменистана и планы развития национальной энергетики // <http://matveev-igor.ru/articles/385747>, дата обращения 23.08.2020.

Мордюшенко О., 2016. «Газпром» порвал с Туркменией // <https://www.kommersant.ru/doc/2894582>, дата обращения 25.08.2020.

Связи Центральной Азии с глобальными экономическими центрами, 2015. Азиатский банк развития // <http://www.adb.org/sites/default/files/>

publication/166905/adbi-connecting-central-asia-economic-centers-final-report-russian.pdf, дата обращения 23.08.2020.

Статистическая база UNCTAD // <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>, дата обращения 23.08.2020.

BP Statistical Review of World Energy 2019 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>, дата обращения 20.08.2020.

International Trade Centre // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 27.08.2020.

Statistical Review of World Energy 2020 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>, дата обращения 20.08.2020.

United Nations // <https://www.un.org/en>, дата обращения 20.08.2020.

Trade statistics for international business development // <https://www.investmentmap.org/investment/time-series-by-country>, дата обращения 25.08.2020.

Азиатский банк развития стал транзакционным советником проекта газопровода ТАПИ // <http://turkmenistan.gov.tm/?id=5325>, дата обращения 25.08.2020.

Богатства недр Туркменистана оценены только на глубине залегания до 7 км // <http://www.energyland.info/analitic-show-95997>, дата обращения 23.08.2020.

Растёт потенциал Туркменистана в обеспечении глобальной энергетической безопасности // <http://www.tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article19017&cat14>, дата обращения 24.08.2020.

Центральная Азия на карте нового Шёлкового пути // <https://caa-network.org/archives/16044>, дата обращения 25.08.2020.

Четвёртая нитка газопровода «Центральная Азия – Китай» увеличит объём экспорта туркменского газа // <https://nangs.org/news/world/chetvertaya-nitka-gazoprovoda-tsentralynaya-aziya-kitay-uvelichit-obaem-eksporta-turkmenskogo-gaza>, дата обращения 25.08.2020.

ЧТПЗ завершил отгрузку труб для газопровода ТАПИ в Туркменистан // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/515408-chtpz-zavershil-otgruzku-trub-dlya-gazoprovoda-tapi-v-turkmenistan/>, дата обращения 25.08.2020.

Экономика Туркмении глазами трейдеров Masterforex-V // <https://www.masterforex-v.org/wiki/economy-turkmenistan.html>, дата обращения 20.08.2020.

Япония лидирует по инвестициям в Туркменистан // <https://sng.today/ashkhabad/11572-investicii-v-turkmenistan-bolshe-vseh-vlozhila-japonija.html>, дата обращения 24.08.2020.

AZA (AZGANUSH) A. MIHRANYAN,

PhD (Economics), Professor, leading researcher, Institute of Economics of RAS, Head of the department of Economic Research, Institute of the CIS.

Address: 32, Nakhimov Ave., Moscow, 117218, Russian Federation

E-mail: a.mihranyan20@gmail.com

SPIN-code: 9433-7609

ORCID: 0000-0001-6014-5955

TURKMENISTAN'S FOREIGN ECONOMIC POLICY: RESULTS OF THE DECADE

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_43

Received: 16.09.2020.

For citation: *Mihranyan A.*, 2021. Turkmenistan's Foreign Economic Policy: Results of The Decade. – *Geoeconomics of Energetics*. № 1 (13). P. 43–66. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_13_1_43

Keywords: Russian-Turkmen economic cooperation, economy of Turkmenistan, investments in the economy, structure of foreign trade, gas pipelines, investment projects.

Abstract

Turkmenistan's foreign economic policy is based on the principles of neutrality in relation to any integration processes and bilateral cooperation. At the same time, the results of the last decade of Turkmenistan's presence in foreign markets are limited to export supplies of energy resources (gas and oil). The Republic's single-product exports are supported by growing financial dependence on the main gas importer, China, which significantly affects the level of economic dependence on one partner. The low level of diversification of Turkmenistan's foreign economic cooperation is becoming a major factor for the growing instability of the national economic system and contradicts the basic principles of the Turkmen strategy of foreign policy neutrality. These contradictions determine the relevance of the study, which aims at a comprehensive assessment of the results of Turkmenistan's economic policy and the potential for the development of Russian-Turkmen economic cooperation.

Cooperation with Russia remains the most promising direction for the development of foreign economic activity for Turkmenistan. In the current conditions of fierce competition in the regional gas and oil markets, the supply of the main export product – gas-to Russian partners (Gazprom PJSC) makes it possible to receive export revenue to the Republic's budget, solve the problem of the growing deficit of state financial resources and support social programs.

References

State statistics Committee of the Republic of Turkmenistan // <http://www.stat.gov.tm/ru/main/info/social-econ/esasy-soc/osnovnyie-itogi-soczialno-ekonomicheskogo->

razvitiya-turkmenistana-za-yanvar-dekabr-2015-goda.pdf, accessed 20.08.2020. (In Russ.)

National program of socio-economic development of the Republic of Turkmenistan for 2011–2030 // http://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_33/262&lang_id=ru, accessed 23.08.2020. (In Russ.)

Convention on the legal status of the Caspian Sea, 2018 // <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>, accessed 25.08.2020. (In Russ.)

Agreement between the Russian Federation and the Republic of Turkmenistan on cooperation in the gas industry (April 10, 2003) // <http://www.kremlin.ru/supplement/1662>, accessed 30.08.2020. (In Russ.)

Law of the Republic of Turkmenistan (August 20, 2008) № 208-III “On hydrocarbon resources” (with amendments and additions as of 09.06.2018) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31342588, accessed 19.08.2020. (In Russ.)

Mihranyan A. A., 2016. Specifics of economic systems of Central Asian countries // From Turkestan to Central Asia: the political future of the region. M.: Scientific expert. P. 48–80. (In Russ.)

Abdyrahmanov A. Ch., 2019. The role of the fuel and energy sector of Turkmenistan in the country’s economy // Innovation and investment. № 9. P. 337–345. (In Russ.)

Bulaev S. A., 2016. Gas pipeline TAPI: the goals, prospects and conditions of the gas market // The governance of sustainable development. № 4 (05). P. 24–32. (In Russ.)

Grozin A. V., 2014. Under the Turkmen carpet. Turkmenistan’s elites and “gas geopolitics” // Post-Soviet mainland. № 1 (1). P. 37–57. (In Russ.)

Grozin A. V., 2018. The energy partnership between Turkmenistan and China // Geoeconomics of Energetics. № 3. P. 75–90. (In Russ.)

Krivosheev K., 2017. Turkmenistan has run out of free gas // Kommersant. № 101. P. 6. (In Russ.)

Proklov I., 2011. The Turkmen economy: year-end returns for 2010 // Central Asia and the Caucasus. Vol. 12. № 2. P. 175–184. (In Russ.)

Faradji Rad A. R., Moradi G., 2012. TAPI pipeline and its impact on regional and inter-regional competition // Central Asia and the Caucasus. Vol. 15. № 2. P. 94–111. (In Russ.)

Jia Yu., 2019. Experience, prospects and problems of cooperation between China and Turkmenistan in the field of natural gas // Political Science Issues. Vol. 9. № 7 (47). P. 1590–1598. (In Russ.)

Gavrichev S., 2019. Turkmenistan: without oil, but with gas // <https://oilcapital.ru/article/general/02-08-2019/turkmenistan-bez-nefti-no-s-gazom>, accessed 22.08.2020. (In Russ.)

Ignatieva I., 2020. We need more funds. The Saudi development Fund will allocate a new loan to Finance the TAPI project // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/517166-nuzhny-eshche-sredstva-saudovskiy-fond-razvitiya-vydelit-novyy-kredit-na-finansirovanie-proekta-tapi/>, accessed 25.08.2020. (In Russ.)

Indeo F., 2018. Energy strategy of Turkmenistan-diversification of export routes // <http://casp-geo.ru/energeticheskaya-strategiya-turkmenistana-diversifikatsiya-eksportnyh-marshrutov/>, accessed 23.08.2020. (In Russ.)

Matveev I. E., 2018. Oil and gas processing industry of Turkmenistan and national energy development plans // <http://matveev-igor.ru/articles/385747>, accessed 23.08.2020. (In Russ.)

Gordusenko O., 2016. Gazprom has broken up with Turkmenistan // <https://www.kommersant.ru/doc/2894582>, accessed 25.08.2020. (In Russ.)

Central Asia's relations with global economic centers, 2015. Asian Development Bank // <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/166905/adbi-connecting-central-asia-economic-centers-final-report-russian.pdf>, accessed 23.08.2020. (In Russ.)

UNCTAD statistical database // <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>, accessed 23.08.2020. (In Eng.)

BP Statistical Review of World Energy 2019 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>, accessed 20.08.2020. (In Eng.)

International Trade Centre // <https://www.trademap.org/>, accessed 27.08.2020. (In Eng.)

Statistical Review of World Energy 2020 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>, accessed 20.08.2020. (In Eng.)

United Nations // <https://www.un.org/en>, accessed 20.08.2020. (In Eng.)

Trade statistics for international business development // <https://www.investmentmap.org/investment/time-series-by-country>, accessed 25.08.2020. (In Eng.)

The Asian Development Bank has become a transactional adviser for the TAPI gas pipeline project // <http://turkmenistan.gov.tm/?id=5325>, accessed 25.08.2020. (In Russ.)

The richness of Turkmenistan's mineral resources is estimated only at a depth of up to 7 km // <http://www.energyland.info/analitic-show-95997>, accessed 23.08.2020. (In Russ.)

Turkmenistan's potential to ensure global energy security is growing // <http://www.tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article19017&cat14>, accessed 24.08.2020. (In Russ.)

Central Asia on the map of the new Silk road // <https://caa-network.org/archives/16044>, accessed 25.08.2020. (In Russ.)

The fourth line of the Central Asia-China gas pipeline will increase the volume of Turkmen gas exports // <https://nangs.org/news/world/chetvertaya-nitka-gazoprovoda-tsentralynaya-aziya-kitay-uvelichit-obaem-eksporta-turkmenskogo-gaza>, accessed 25.08.2020. (In Russ.)

CHTPZ completed the shipment of pipes for the TAPI gas pipeline to Turkmenistan // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/515408-cht pz-zavershil-otgruzku-trub-dlya-gazoprovoda-tapi-v-turkmenistan/>, accessed 25.08.2020. (In Russ.)

Economy of Turkmenistan as seen by Masterforex traders-V // <https://www.masterforex-v.org/wiki/economy-turkmenistan.html>, accessed 20.08.2020. (In Russ.)

Japan leads the way in investment in Turkmenistan // <https://sng.today/ashkhabad/11572-investicii-v-turkmenistan-bolshe-vseh-vlozhila-japonija.html>, accessed 24.08.2020. (In Russ.)